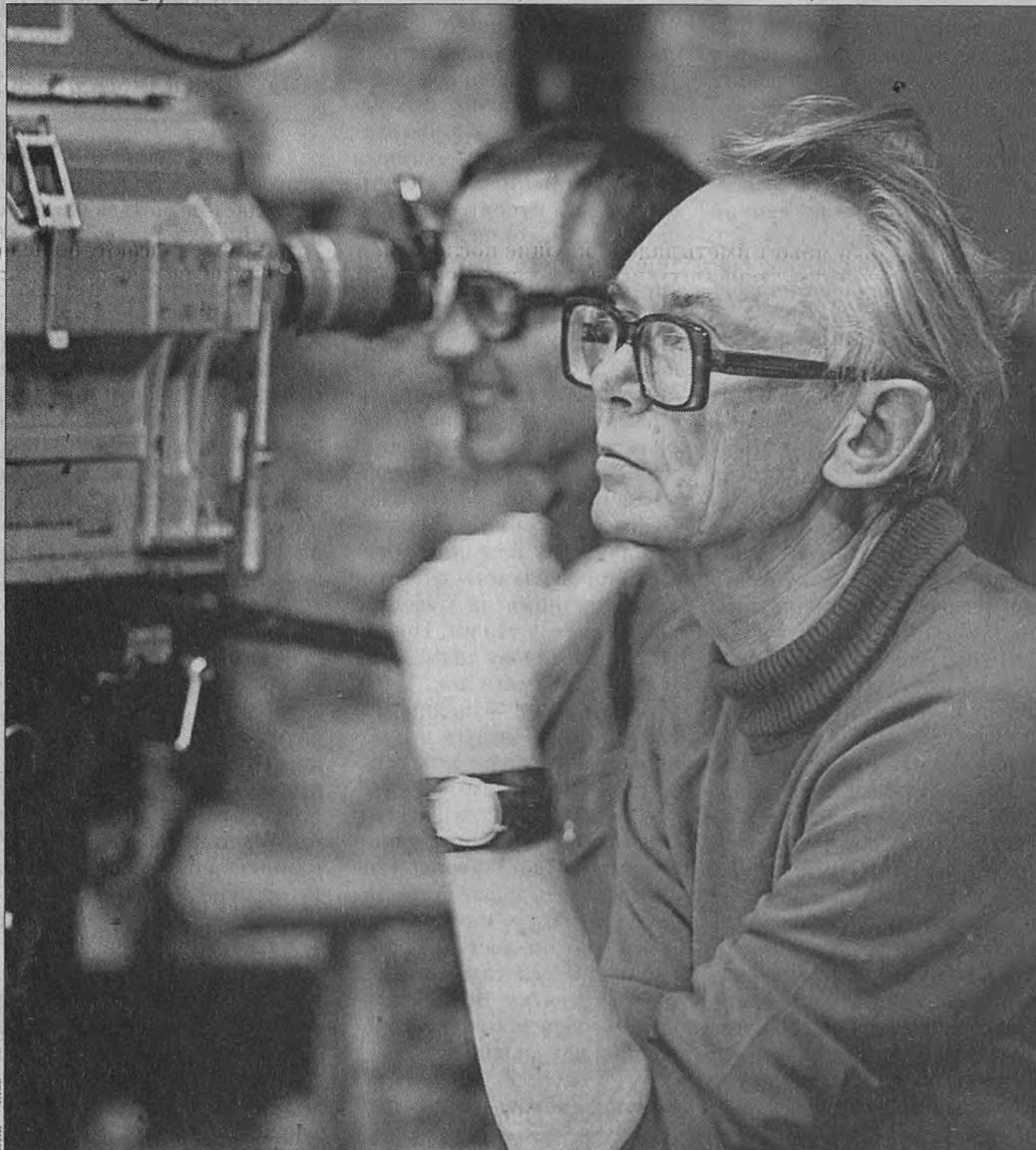

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения **ЛЕОНИДА ГАЙДАЯ**.

В фильмах Гайдая всегда светит солнце. Даже когда ночь или плохая погода. Фильмы Гайдая — явление светлое, лучистое и даже, как это говорят о винах, игристое. И, как говорят исключительно о хороших винах, — имеющее тенденцию с годами и десятилетиями становиться тоньше и совершеннее.

Судьба Леонида Гайдая не слишком хорошо иллюстрируется созданными им фильмами. Не было широкой, комфортной, усыпанной цветами дороги. Не было безоговорочного признания, не было и ровного движения. Фронт, ранние в ногу, потом работа актером в провинциальном иркутском театре. Дорога в режиссуру и путь к комедии вовсе не были прямыми, но в конце концов привели к вершине — полутора десятилетиям, в течение которых, собственно, и созданы все гайдаевские шедевры. Признанные зрителем и почти поголовно не признанные критикой и коллегами. Последние считали этого странного вида худого человека в очках, похожего скорее на бухгалтера, чем на кинорежиссера, производителем кассовых шлягеров, а не высокого искусства. Его принято было упрекать в халтуре, мелкотемье, даже в пошлости. Он и сам иронично относился себя к «мастерам ширпотреба», а близким людям признавался, что, конечно, хотел бы делать что-то высокое и серьезное, но у людей так мало радости и света... Он посчитал себя обязанным умножить количество света в полутемной комнате советского житья-бытья.

Ничуть не покушаясь на прочие кинематографические авторитеты, скажу, что именно гайдаевские фильмы представляются сегодня занятной и едва ли не самой точной иллюстрированной энциклопедией шестидесятых годов, где есть место всему, чем жила в ту эпоху страна. Гайдаевское творчество — огню не кривое зеркало. Это Лукоморье, сказочная страна, каковой сегодня из нашего дальнего далека видится это странное и прекрасное время, когда лето было теплее, зима холоднее, снег чище, а девушки красивее. Там на неведомых дорожках следы невиданных людей. Там встречаются невиданные

ИТАР-ТАСС

ни до, ни после экземпляры, раритеты человеческой экстравагантности. Там добро в облике худого очкарика-интеллигента, так похожего на самого Гайдая, неизменно побеждает всех этих жлобов, трамвайных хамов, вороватых начальничков, уверенных в себе советских чиновников и их подпевал, наглых труссов, придурковатых балбесов, ни в чем не сомневающих бывалых... Побеждает дураков, что, разумеется, не слишком правдоподобно, но по сути — той самой сути, которую каждый зритель в глубине души отличает и понимает, — правильно. Ибо непобедимый дурак был главной бедой советской эпохи, о чем сегодня еще помнится разве что благодаря гайдаевским комедиям.

Он не идеализировал время. Гайдай лишь чуть-чуть менял правила игры, да и самих игроков легким движением режиссерской руки трансформировал, превращая тех и размазю в благородного

рыцаря, спортсменку и комсомолку — в красавицу, а реальных бандитов-громил — в смешных придурков. Он чуть-чуть «снижал» одних, и чуть-чуть «поднимал» других. Он устраивал карнавал там, где карнавалом и не пахло.

Кинодраматург Аркадий Инин назвал Гайдая «человеком из зала». То есть послем зритель в кинорежиссуре, человеком, представляющим себе, что думает, чувствует абсолютно реальный «добрый зритель в девятом ряду». Качество для профессионального кинематографиста, как ни странно, невероятно редкое. Ибо профессионалам почему-то свойственно мгновенно забывать самих себя, когда они были только кинозрителями.

У Гайдая было потрясающее чувство смешного. Пожалуй, никто в нашем кино за всю его историю не ощущал так остро природу смеха, не умел придумывать буквально на ровном месте все эти бесконечные гэги, комические

триюки, самоигральные фразы, вошедшие в живую речь и ставшие частью языка вплоть до словарей и энциклопедий — «Надо, Федя, надо!», «Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше», «Птичку жалко!», «Управдом — друг человека»... К сожалению, пренебрежительное отношение к Гайдаю сохранилось у части высокоинтеллектуальной киношной публики. Гайдаем почти не занимаются серьезные исследователи, хотя именно у него следовало бы учиться и оптимизму, и профессионализму, и почти утраченному сегодня умению — не криво улыбаться, а смеяться от души и звонко. Зато и сегодня нет режиссера востребованнее Гайдая. Его смотрят и смотреть будут, что лишний раз подтверждает: в сущности, человечество не слишком меняется. Люди нормальны, если они в десятый, сотый раз не могут оторваться от героев гайдаевского Лукоморья.

АЛЕКСАНДР КОЛБОВСКИЙ

Сегодня, когда понятие «комедия» окончательно смешалось с понятием «мыльная опера», мы решили задать кинематографистам, работавшим с Леонидом Иовичем, один вопрос: почему в нашем кино не появляется новый Гайдай?

ЛЕОНИД ЯРМОЛЬНИК, АКТЕР:

— Потому что нет, наверное, человека такого уровня талантности. Думаю, такие люди, как Гайдай, рождаются не каждый год и не каждое десятилетие. И это хорошо, это естественно. Когда мы смотрим его фильмы, у нас рождается ощущение, что если очень захотеть, то все можно суметь. Но это зависит не только от нашего желания, но и от божьего расположения. Гайдай был человеком, которого Бог поцеловал. Та классика, которую мы считаем классикой Гайдая, не устареет и не меняется — и это первый признак гениальности. Поэтому, с одной стороны, можно грустить по поводу того, что Гайдай не рождаются и никто не занимает его место, а с другой — можно гордиться тем, что он у нас был. Юмор вообще очень быстро меняющаяся субстанция. Меняются категории смешного, сейчас мы шутим резче, жестче, обособленнее, грубее, не так элегантно и вседоступно. Уже нет того, что может развеселить всех. Гайдай шутил так, что было понятно всем — от трехлетнего ребенка до столетнего старика. Вообще когда режиссер настолько талантлив, что отражает время, то юмор как бы застывает в том времени, экспонируется в эпоху, и ты автоматически включаешься в эти правила игры. Гайдай очень точно находил знаки времени, а мы как компьютер — нажимаем кнопку и тут же попадаем в пространство его времени.

АРКАДИЙ ИНИН, ДРАМАТУРГ:

— Великие люди появляются по велению судьбы, а не по указанию и не по цикличности — что раз в 15 лет должен появиться великий режиссер, поэт или музыкант. Время, которое сейчас принято ругать и в которое мы жили, было временем людей, веривших в хорошее, доброе и — это сегодня кажется смешным — в то, что добро победит зло. Сегодня же время циников. Когда мы начинали любую картину, Гайдай говорил: «Мы делаем кино для детей». Как это для детей? Взрослая же картина! А

он: «Нет, если дети поймут, значит, это настоящее». У нас даже в титрах «На Дерибасовской хорошая погода...» написано: для детей младшего, среднего, старшего, зрелого и пожилого возраста. Сегодня такой подход к жизни и к искусству невозможен. Этот детский, немножко простодушный, наивный и в то же время мудрый взгляд на жизнь — его же нельзя в себе воспитать или вырастить. Таким человеком можно быть или не быть. Мы жили в эпоху, которую можно охарактеризовать словами: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Сегодня нас не обманывают, нам говорят правду, но правду, которая унижает. В этом противоречии и заключается проблема. Нет Гайдая. Но ведь и кино такого нет. Я с ним работал в эпоху, когда только зарождалась перестройка, и уже тогда ростки — только ростки! — нынешнего «светлого» будущего были для него очень болезненны и совершенно не укладывались в сознании. Я знаю одно: Гайдай не смог бы приспособиться к сегодняшним реалиям.

ИГОРЬ ЯСУЛОВИЧ, АКТЕР:

— А почему сейчас не появляется новый Чаплин? Может быть, время было другое, может быть, мы сейчас другие. В картине «Неизвестный Чаплин» видно, как гений работает над одним эпизодом, который его не удовлетворяет. Наверное, любой из нас в первый же день был бы доволен результатом, а его не устраивает. И вот шаг за шагом в течение года он создает шедевр. Так вот, Гайдай снимал так же... вдумчиво. С пробами, ошибками, вариантами. Парадокс в том, что при жизни ему так и не воздали должное. Были люди, которые работали, как считалось, на магистральном направлении, делали какое-то важное и значительное дело, а были те, кто занимался... комедией. Хорошо занимались, но все равно это считалось периферией. Гайдай на этой своей периферии умудрялся делать штучный товар.

ОЛЬГА ШУМЯЦКАЯ